

интеллектуальную деятельность в отрыве от политических взглядов. За завтраком в пятницу мы разговаривали о предыдущем вечере и перешли на обсуждение социальной роли писателя и интеллектуала в России. Фрост не видел принципиальных различий между русскими интеллектуалами и американскими, последних он в большинстве своем считал либеральными тупицами, казуистами, плагиаторами и малодушными маловерами. Однако за считанные дни он несколько изменил свою точку зрения. Не разделяя многих убеждений и взглядов русских интеллектуалов, он признал их нравственную цельность и энергию. Он осознал тот факт, что быть интеллектуалом в России — значит не сидеть сложа руки.

В пятницу ближе к вечеру мы поехали в Переделкино — поселок примерно в двадцати пяти километрах от Москвы по киевскому направлению. Перед войной здесь построили писательские дачи и дом творчества — пансионат, в котором многие московские писатели живут по трех-четырёхнедельным путевкам вместе со своими коллегами. Утром они работают, днем гуляют, вечером посещают литературные чтения, концерты и ужины. В Переделкине жили несколько знаменитых русских литераторов. Дом Пастернака, стоящий на краю поля перед пионерским лагерем, смотрит в сторону кладбища на пригорке, где похоронен писатель, и железнодорожной станции, виднеющейся за ним. Мы ехали на ужин к Корнею Чуковскому.

Многоэтажные дома-коробки, мешковатая одежда, незнакомый язык, непривычная еда, чужие нравы — многое в России было Фросту в диковинку. Он и представить себе не мог, насколько Россия окажется не похожей на его страну. Но дорога до Переделкина, как и березовая роща по пути из аэропорта, напомнили ему родные места и дали ощутить сходство здешнего с тем, что окружало его многие годы.